

Мы не знали, какой породы эта собака, и поэтому так ее и назвали — Кукла. Она была какой-то по-хамски безалаберной масти, с хвостом бубликом, чуткими лисьими ушами и смешными коричневыми подпалинами вокруг глаз. Ну, прямо маститый разномастный Зорро. Глаза ее выражали коричневую печаль Маски и еще что-то, чего я до сих пор не могу понять. Может быть, для этого надо стать собакой?

Ее привез дядя Гриша из деревни. Там случилось собачье перенаселение, и он, вдруг впад в кинофилию, решил сгоряча устроить ей городскую прописку. Под его горячую руку попал и ее куцехвостый братик. Дядя Гриша представил его своей семье — тете Вале и близнецам Эй Ту — Кузькой. Щенок от такой чести сразу расплылся в прихожей луже, и за это назавтра был водворен в будку охраны металлобазы, где начальствовал дядя Гриша. А спящую Куклу он принес бабушке в сумке и отрекомендовал ее Сонькой. Но мы не знали, какой породы эта собака.

У нее был звонкий голос, если собаки вообще имеют право голоса. В нем издали, даже из сумки, слышалась такая преданность и честность, что если бы депутаты Госдумы имели такие голоса, то у них никогда бы не было проблем с электоратом. Я записал ее голос на смартфон, и теперь, когда мне звонят, я слышу веселый лай из собачьего рая.

Больше всех обрадовался новоселу дедушка, ему только что прооперировали катаракту, и у него появился новый взгляд на мир.

— Саша, — сказала бабушка, стоя грозно над Куклиной сумкой. — Ты можешь поселить здесь эту собачку, но тогда я переиду на дачу.

Бабушка всегда у нас отличалась женской решительностью. Но в октябре жить на даче без отопления было уже неудобно, и поэтому все мы остались дома с Куклой. Наша бабуля неотступно десятилетиями ревновала дедушку и оставалась единоличной и полноправной хозяйкой в доме. Даже когда дядя Гриша женился, она сама нашла подходящую квартиру для молодоженов, хотя подходила и наша квартира. А рождение близнецов сочла подтверждением ее теории мужской фрактальности. Теория эта звучит примерно так: «Мужчин в семье должно быть больше для того, чтобы ими руководила женщина». И, конечно же, не тетя Валя, а она сама. Сын со снохой так и жили отдельно, но своих внуков (в том числе и меня) она обожала. Близнецы-фракталы родились с отрывом друг от друга в несколько минут, и для того чтобы знать, кто выбежал из пункта «А» первым, еще в родильном доме тетя Валя повязала одному из них на запястье красную нитку. Назвали близнецов Антоном и Артёмом. Так, на первую букву алфавита, собачьи заводчики называют щенков элитных пород в первом помете. Выбежав с незначительным отрывом из пункта «А», эти два забияки стали «А» в квадрате. За глаза тетя Валя звала близнецов — A two, или по-русски Эй Ту — Двойка.

Близнецы уродились рыжие — все в маму. И видимо, в напоминание об этой фрактальной схожести, иногда в устах теть Вали «A two» звучало как-то самозабвенно, как «you too». В общем, все рыжие, и «ты тоже». Англицизмы в нашей семье не считались ругательством. Наверное, это было связано еще и с тем, что мама

Двойки преподавала английский в гимназии для одаренных детишек богатеньких дядь. Хотя я считаю, что аббревиатура нивелирует личность и что богатство никакой не дар.

Даром стала Кукла. В тот день, когда она выпрыгнула как чертик из табакерки из дядиной сумки, вопреки бабушкиной ревности и, видимо, потому, что дачный сезон уже закончился, она осталась у нас: у дедушки Саши, бабушки Риты и у меня.

Поселили новосела за старым шифоньером в прихожей, но Кукла каждую ночь сбегала в спальную дедушки и до утра сторожила его храп. Бабушка пыталась пристыдить собачку, звать к ее девичьей гордости, но все было тщетно. Каждое утро, спуская ноги с кровати, дедушка нащупывал ими тапки и спину Куклы.

Кукла тогда была совсем глупой и тыкалась со своей нуждой куда попало.

— Потому что молода, — оправдывал ее дедушка, затирая за ней тряпкой.

Но бабушка ревновала к вездесущей молодости собачки еще сильнее. Она почему-то не могла или не хотела понять, что собачий год жизни равен трем человеческим. Бабе Рите бы не ревновать, а пожалеть ее за то, что молодая Кукла быстро состарится и умрет раньше нее.

Буквально за месяц до Куклы у дедов поселился в пустующей комнате и я. Мама моя теперь свободно устраивает свою личную жизнь в нашей однокомнатной, а отца я и не помню. Но из школьного курса биологии и университетского теологии я знаю, что у всех Он есть. Истина, как выясняется, очень проста: если нет отца земного, то бери выше. Говорят, что дети, воспитанные без отцов, вырастают инфантильными. Особенно мальчики. Ну, я уже, скромно говоря, не мальчик. Хотя в армию меня из-за зрения, наверное, не возьмут. На комиссии у офтальмолога третью строчку сверху без запинки не прочитал. Очки — как у любимого моего поэта Дмитрия Кедрина. Не очки, а иллюминаторы глубоководного батискафа. Я и чуб зачесываю наверх, как Кедрин. Но это только между нами. Армия с подозрением относится к близоруким поэтам. Так что придется мужать без берцев и калашникова. Но я не унываю. Школу мужской фрактальности

я постигаю вместе с близнецами Эй Ту и, конечно же, с Куклой. Она у нас генерал.

Этих двух рыжих лисят различить может только их мама-Вали и наша Кукла. Конопатые, с медными, жесткими, прямо-таки проволочными, как у тети Вали, волосами они появляются всегда у бабушки неожиданно, по-кавалерийски. Съедают сходу все пироги и отваливаются от стола с залихватским «уфф», как груженные баржи от причала. И куда в них входит? Узкогрудые, плоские штакетины, в свои девять они вытянулись на все одиннадцать с половиной.

Красную нитку первородства носит на правом запястье Антон. И по ней легко можно узнать, кто есть кто. Но эти лисята могут сами навязать такие ниточки на все четыре руки — и тогда первородство четвертуется. В таких случаях, если нет тети Вали, выручает только Кукла. Ну вот, к примеру, как недавно. Забежали со школы, бросили в прихожей ранцы и тут же руки мыть — чтобы за стол, «баржи» пирогами грузить. Но дедушка у нас всегда был радетелем степенного образа жизни и хороших манер:

— А поздороваться? — наостряет из проема двери свои массивные очки.

— Здравствуй, дедуля! — отвечают бодро хором Эй Ту.

— Вот. Так. Молодцы. Как в школе?

Тут дедушка делает такую паузу, пытаюсь распознать близнецов, что ему позавидовал бы любой профессиональный актер.

— Э-э... Артём?

— Да! — сказал кто-то неопределенный из этой шкодливой парочки и оба хитро улыбнулись.

У каждого на запястье была ниточка. Дедушка как-то сразу и забыл, что первородство — только на правой (а у одного братца лиса нитка была на левой руке). Подсказку дед Саша не уловил. Но у нас была Кукла.

Дедушка внимательно посмотрел на внуков, а затем себе под ноги — там сидела и блестела мокрой коричневой «пуговицей» Кукла.

— Скажи! — спросил ее дедушка.

На голову Кукле будто сел померанцевый махаон и вздрогнул своими красивыми крыльями. Уши у этой собачки были уж точно

на загляденье. Дедушка полюбовался ими, перевел взгляд на Ку-
клин «бублик» — и тот чуть заметно вздрогнул в нужную сторону.

— Ага! — и дед указал на одного из лисят. — Артёмка!

Близнецы разочарованно сгримасничали.

Играясь с перевязыванием запястий, в свои девять они до кон-
ца не понимали, что из-за этой красной нити первородства гибли
целые цивилизации. Как будто в Библии — если путаю, то вы меня
поправите — была история про близнецов и красную нитку. Так
вот, там из утробы на свет появляется сначала рука, на которую
навязывают нить, а потом первым выходит младенец без нити.
А с нитью на руке выходит вторым. Что, они внутри утробы поме-
нялись местами? И первые стали последними? С точки зрения ме-
дицины — полнейший бред. Но Библия не пособие по акушерству
и гинекологии. Там, если не ошибаюсь, была история и про пер-
вородство, проданное брату за чечевичную похлебку. Я не думаю,
что Антон недоедает, бабушка пирогами пичкает Эй Ту исправно,
да и архаичная библейская чечевица против современных баб-Ри-
тиных рыбников и кулебяк, мягко говоря, не вариант.

Затворяя тесто, бабушка все крепче убеждалась в правиль-
ности ее теории «мужской фрактальности»: умножай мужиков
и рули ими чем можешь. Этой заумной теории мир обязан в сво-
ей основе математику Бенуа Мандельброту с его «Фрактальной
геометрией природы», а в ее практичном, домашнем, примене-
нии — бабушке Рите. Фракталы — это такие дробящиеся объ-
екты, обладающие свойствами самоподобия. Как кристаллы, об-
лака, снежинки, деревья с их шумящими на ветру кронами или,
скажем, кочаны капусты некоторых экзотических сортов. Ну и,
конечно, по мысли нашей бабушки — наши близнецы Антош-
ка-Артёмка. Бабушка, перенеся эту отвлеченную теорию в се-
мейную жизнь, наверное, втайне надеется на премию за научное
укрепление института семьи, что довольно-таки смело для учи-
теля математики на пенсии.

Я уже молчу о том, что ее теория «мужской фрактальности»
дала плоды только от дяди Гриши и тети Вали. А от ее самой и деда
Саши — не сработала, у нее родились моя мама и дядя Гриша.
Так-то. Да и вообще понятно, чтобы проверить жизнестойкость
своей смелой теории, бабушке надо дожидаться того времени,

когда наши близнецы Эй Ту женятся и произведут на свет по паре таких же медноволосых фракталят.

Близнецы забегали к нам все чаще. Дядя Гриша затеял дома нешуточный ремонт, зачем-то вскрыл пол. Может, потому что они начали читать всей семьей «Остров сокровищ»? Ремонт затянулся. И видя, что клад а дядя Гриша в подполье не нашел, баба Рита стала чаще ставить опару. На радость нашей Двойке.

В проем моей двери сунулись два рыжих фрактальных кочана:

— Здравствуй, брат!

— Ага, привет, — оторвался я от рукописи. — Как дела в школе?

Тут бабушка позвала сорванцов за стол, и они, не ответив, под радостный лай Куклы убежали на кухню.

Вообще-то мы обедаем все вместе, но Эй Ту со своим внезапным появлением всегда вносят в наши стройные ряды сутолоку. Бабушка так начинает волноваться, будто близнецы останутся голодными, садит их первыми, забыв даже помолиться.

Как учитель математики она посчитала, что одновременно находиться шестерым на шестиметровой кухне будет тесно. Детям надо больше места, категорично заявила баб Рита. Да, конечно, вдруг они начнут развивать свое фрактальное самоподобие прямо на кухне, с куском пирога во рту.

Иногда с грустью я так и думаю о том, что, удваиваясь в своем существе, близнецы когда-то заполнят собой всю бабушкину квартиру. Так оно, видимо, и должно быть, неотвратимо закономерно, что новое и молодое сменяет старое и...старое. Но в ответ на эту грустную мысль у меня есть слабая надежда на то, что до того момента, когда они уже полностью заполнят собой баб-Ритину кухню, у меня появится жена и дочка, которая ужасно любит косматых игрушечных собак со смешными коричневыми подпалинами вокруг глаз. К тому времени китайцы научатся делать игрушки, способные мечтать и слагать притчи. И моя девочка будет спрашивать свою собачку, почему ее зовут Кукла.

Жалко, что тогда дед Саша не сможет построить такую же квартиру, в какой мы живем сейчас. Потому что мы живем на первом этаже пятиэтажки, которую строил когда-то давно сам дедушка. Он у нас заслуженный строитель.

«Два солдата из стройбата заменяют экскаватор» — это его любимая поговорка. В молодости дедушку из-за зрения взяли служить в стройбат. Сначала он был нормировщиком на военной стройке, а потом, после службы, поехал на заработки на Север. Дедушка гордился тем, что стал бригадиром строителей в поселке нефтяников в Тюменской области, там за трудовые успехи его наградили медалью «За освоение недр Западной Сибири». Медаль эту он нацепил когда-то на лацкан своего праздничного синего пиджака и надевает его только один раз в год — на День нефтяника.

А трехкомнатную квартиру с видом на реку он строил для бабушки. В нашей семье бытует такая легенда. После поселка нефтяников дедушка завербовался на стройки нашего города. Город тогда только-только расстраивался. Дедушка уже построил несколько домов, а бабушку все никак не мог найти. И вот однажды сверху, с уже почти достроенного нашего дома, он увидел бабушку и крикнул ей: «Девушка, я этот дом строю для вас! Выходите за меня замуж!» И наша бабуля — а она тогда была еще студенткой пединститута — не устояла и тут же согласилась. Насколько эта история правдива — Бог весть. По крайней мере, баб Рита эту семейную легенду не опровергает. Когда дед Саша очередной раз рассказывает ее мне или близнецам — она смотрит на деда сквозь очки с озорной улыбкой и кивает ему, как своему школьнику.

Бабушка наша вообще рассматривает любую жизненную мелочь, как математическую константу или логическую функцию. На все вещи смотрит, как Пифагор, через призму числа. «Ну разве так можно? — спросите вы. — В двадцать первый-то век жить реалиями Древнего мира?» А бабушке все нипочем. Что ни спросит, что ни скажет она — всегда метит «в десяточку». Пифагорейскую, конечно же.

— А ну-ка, что там вам задали по математике? — спрашивает она, стоя на раздаче пирога на нашей шестиметровой кухне. И близнецы сразу же, на глазах скучнеют. Но они парни сообразительные: набивают рты пирогом, восторженно мычат, закатывают глаза, выставляют большие пальцы и вообще оказывают всяческие знаки внимания бабушкиной кулинарии. Я удивля-

юсь, но у них это каждый раз получается! Баб-Ритин вопрос очередной раз повисает в воздухе, а она сама умиленно смотрит, как внучата уплетают неприлично огромный пирог со щавелем. Кстати, мой любимый. Нет, я не ревную. Маленький кусочек пирога добрые братишки оставят мне в духовке в самом дальнем углу самого большого противня, там, в космической глубине бабушкиной электропечи, куда они без рукавиц просто не успеют добраться. Потому что после пирога бабушка обязательно напоят их своим неповторимым чаем — с душицей и мятой и свежими «хрустяшками» — такими маленькими вкусными штучками, которым нет названия в рецептурах кулинарных книг.

Единственный член семьи, который никогда не оценивал пироги бабушки, — это Кукла. Она у нас питалась по диете, разработанной самим дедом. Рыбник из палтуса? Да что вы! Мы воротим свою влажную коричневую пуговицу и удивленно смотрим на деда Сашу. Самса с курочкой? Ой, да ну! Коричневые подпалины вокруг глаз у собачки становятся грустными. Пицца с салями? Да ни в жисть! Кукла раздраженно фыркает и трясет померанцевыми лисьими ушами.

Только вареное нежирное мясо, отделенное от костей и порезанное на маленькие кусочки. Так-то. Словно Куколка наша была беззубым графом Строгановым, а дедушка, в угоду ей, готовил каждый день по-особому говядину. Такая беф-кукольная диета сыграла свое черное дело. Очень скоро у собачки начали портиться зубы. Дедушка как-то забыл, что Кукла какой-никакой, но все-таки зверь, и ему надо грызть. Просто надо было покупать в собачьих магазинах специальные «косточки-зубочистки» и не издеваться над животным. Чужая звериная природа, Кукла, видимо, в отместку, грызла все, что подвернется. Ножки у столов и стульев, подлокотники у двух низких кресел, мои конспекты, если я их ненароком оставлял без присмотра на диване. А один раз ей на зуб попала дорогая сердцу бабушки деревянная шкатулочка, в которой она хранила свои девчачьи секреты — стеклышки, засушенные ромашки, фантики, записочки со стихами Асадова — ну, нафталин прошлого века и даже тысячелетия. В нашей семье шкатулка эта была как ненайденное сокровище Флинта в дядь Гришиной квартире со вскрытыми полами. Бабушка

очень осерчала тогда на Куклу и хотела, чтобы дед отлупил ее, но он выступил категорически против рукоприкладства:

— Я на детей своих руки не поднимал, а ты хочешь, чтобы я бессловесную тварь обижал? — возмутился дедушка до красноты лица и в приступе волнения поправлял воротник своей клетчатой рубашки.

— Учил, Саша, учил, — уточняла и настаивала бабушка. — Чтобы не безобразничала.

— Нет, нет и нет! — дед Саша был непреклонен.

Дедушка не доверял воспитание собачки никому, сам готовил ей беф-кукольников, сам выгуливал ее на длинном поводке-рулетке. Они ходили среди берез и кленов вокруг нашей пятиэтажки и прислушивались к шелесту листьев и щебету птиц, предвещающих приближение задумчивой осени. Дедушка держал руку с рулеткой на отлете, рассеянно нажимал и отпускал кнопку, и у него получалась такая вот умильная выдвигающая собака. Вообще они смотрелись очень хорошо дуэтом: дедушка в старом плаще и берете, нацеливший куда-то в свою память аквариумные очки, и колобок-Кукла на шнурочке — лохматый-прелохматый, смешной-пресмешной. И тоже смотрит куда-то между кленами. Тоже, наверное, в дедушкину память. Смотри зорче, смотри внимательней, дорогая наша Куколка! Теперь тебе только там и быть.

К слову, наша собачка была где-то немного колли. Ну, если не ростом и мордочкой, то окрасом и косматостью — уж точно. Такая вся тонкорунная-тонкорунная. Да, вот еще — и к тому же слову. Чтобы наша квартира не утопала в клоках кукольной шерсти и не превращалась в валяльню, дедушка купил специальную собачью чесалку и чесал Куклу, как овцу. Когда шерстью была набита старая наволочка, бабушка сделала открытие — и связала близнецам по паре носков.

— Как мальчики носочки? Тепленькие? — спрашивала бабушка на кухне фразгуют на последнем куске пирога. Эй Ты задирала ноги, показывая серые носки, с красной ввязанной ниточкой по щиколоткам, и кивали, «тщательно пережевывая пищу». По этим носкам их невозможно было различить, они оба были первенцами.

Да, наступало Время Теплых Носков. Было уже для осени поздно. В окна таращились голые клены, как близнецы, с одинаковыми одинокими красными листьями-нитками на узловатых запястьях. Они отдыхали от тягот своих крон, и перед ними временным помрачением лежала вечность зимы. А перед всеми нами — огромное чувство безвозвратной утраты. Оно громоздилось перед нами то большим черным сугробом, то клубилось туманом, то рассыпалось у ног галечником. Это чувство, я уверен, перерастет-переплавится и в светлую печаль, и в опыт, но для этого должно пройти, как минимум, Время Теплых Носков.

Все изменилось в один день.

Антон с Артёмом в тот день в бабушкиной квартире усердно протирали подаренные носки в небезопасной электрической забаве. Они скользили на ногах с разбегу по ламинату, и щелкали указательными пальцами по носу друг друга статическим электричеством. И хохотали как дурачки. Физику в школе они еще не изучали, и имя экспериментатора с электричеством Георга Рихмана им ничего не говорило. Бабушка месила тесто и сердилась. Я тоже. Даже Кукла смотрела на них с недоумением и неодобрительно взлаивала. Деда, помню, дома не было — он пошел на Совет ветеранов строительного треста. На полдня наш дом был отдан «на разграбление» фрактальятам, бабушка не выдержала и впервые за всю нашу «собачью» историю отправила близнецов гулять с Куклой одних. Они вернулись быстро, с обрывком от рулетки-поводка. Только они распахнули дверь нашего подъезда — как Кукла рванула со всех лопаток в осень. Близнецы замешкались, входная дверь с тугим доводчиком резко захлопнулась и отсекла поводок. Когда фрактальята выбежали на улицу, Куклы уже и след простыл.

Выслушав внучат, бабушка так разволновалась, что у нее поднялось давление. Я такой ее не видел с той первой ее встречи с Куклой. Но если она тогда настаивала на выдворении щенка, то сейчас... Мы все вчетвером пошли искать собаку. Разделившись, мы ходили по дворам и подворотням и зывали часа два: «Кукла! Кукла!». Повезло мне. В квартале от дома, в кустах я увидел грязную Куклу в компании каких-то трех разномастных ухажеров. Они, задрав хвосты, обступили ее плотным кольцом

и радостно повизгивали — еще немного и было бы уже поздно. Я было открыл рот, чтобы гаркнуть позычнее для острастки, но Кукла сразу же узнала меня и бросилась ко мне со всех ног. Я взялся за обрывок поводка и подобрал палку. Ухажеры поняли серьезность моих намерений и не стали нас преследовать. Вот, сказано же: «Не отдавайте самое дорогое на поругание псам».

Баб Рита взялась мыть Куклу, от нее за версту несло псиной. Когда дедушка пришел с цветами с Совета ветеранов, Кукла как ни в чем не бывало сидела чистенькая на своей подстилке и зевала. Бабуля, дабы не расстраивать дедушку, взяла со всех нас честное слово не рассказывать о приключениях собачки.

Наутро у Куклы поднялась температура, она не встала и не подошла ни к кормушке, ни к поилке. Она лежала, ее лохматые бока тяжело вздымались. Дед первым забил тревогу.

— Рита, у нас в городе есть скорая помощь для собак?

— Ты где живешь, Саша? В Москве? У нас и для людей скорая как для собак!

— Так что, вызывать?

— Ты что? Окстись! Тебя там так облают!

— Так что делать? — совсем уже растерялся дедушка.

— Подожди, — баб Рита начала рыться в серванте.

— Что ты там ищешь?

— Шкатулку мою.

— Зачем?

— У меня там телефон моего одноклассника. Он профессор. Ветеринар. В Питере живет, — съинтонировала она как-то по-особенному, чтобы дедушка чего-нибудь не начал думать. — Вот, нашла!

Бабушка набрала на смартфоне номер, посмотрела строго на нас с дедом и ушла в свою комнату. Через некоторое время она вернулась и сказала дрогнувшим голосом:

— У Куклы чумка. От псов подхватила.

— Каких псов? — удивился дед.

Бабушка в двух словах рассказала ему о приключениях нашей девицы.

Профессор из Питера назначил быстрое профилактическое спринцевание: полстакана водки с яйцом и медом внутрь Куклы.

Но дедушка так расстроился, что принял сначала полстакана внутрь себя и был уже не айболит. Мы с бабушкой развели раствор и с помощью кондитерского шприца впрыснули его в пасть Кукле. Инъекция как будто пошла Кукле на пользу. Спустя какое-то время, она, покачиваясь, подошла к поилке и вылакала всю воду. Мы обрадовались: пошла на поправку.

Ночью я от чего-то проснулся. Словно меня кто-то позвал. Я встал. На кухне горел свет, дед сидел у пустой бутылки и беззвучно плакал. На его коленях лежала бездыханная Кукла.

Следующий день стал последним в этой истории, которую я пишу. Дядя Гриша, словно ангел жизни и смерти, как принес Куклу в сумке, так и унес в ней.

Мы пошли за старое Воинское кладбище, где, как узнал дядя Гриша, собачники хоронят своих питомцев. Дедушка, словно на День нефтяника, надел на похороны свой парадный синий пиджак с медалью. Бабушка и тетя Валя повязали черные платочки. Близнецов заставили навязать узенькие черные галстучки. Дядя Гриша сварил для памятника Кукле на металлобазе пирамидку. Хотел сварить крест, но бабушка воспротивилась — не по-христиански. Мама моя так и не пришла, хотя ее звали. У нее там личная жизнь и все такое. «Да и что эта собака, человек вам, что ли?» — так она ответила бабушке.

День был солнечный. Дядя копал могилку. Березы стояли вокруг нас, опустив руки. Над нами в небе медленно прочертился клин журавлей. Они, как будто провожая Куклу, уже пролетев, протяжно закурлыкали. Дедушка посмотрел им вслед и сказал с глубокой печалью в голосе:

— Птицы на юг летят.

Дядя Гриша поднял голову от земли:

— Так ведь каждую осень летят, пап.

— Да, но в последнее время все чаще.

Дядя Гриша серьезно посмотрел на сыновей, протянул лопату и строго сказал:

— Давайте-ка, поработайте немного.

Близнецы начали неумело по очереди ковырять землю.

Дедушка вздохнул и промолвил горестно:

— Два солдата из стройбата заменяют экскаватор.

Когда могила была готова, дядя извлек из сумки запеленатую Куклу и осторожно положил в ямку. Он посидел немного над Куклой на корточках, поправил пеленку, разогнулся и сказал тихо:
— Можно прощаться.

Настала минута, которую я буду помнить всю жизнь. Дед Саша вытер слезу платком. Отстегнул от пиджака медаль «За освоение недр Западной Сибири», наклонился и положил ее на тельце собачки. Я грустно улыбнулся. Теперь Кукла будет осваивать недра, а недра земли будут осваивать Куклу.

Бабушка достала из сумочки погрызенную шкатулку, открыла ее, бросила несколько разноцветных стеклышек и посыпала Куклу из нее сухими лепестками ромашек.

Близнецы переглянулись, вынули из карманов протертые теплые носки из куклиной шерсти с красной ниточкой и, смущаясь, уложили их сверх погребальных пелен. Так они вернули ее первородство.

Тетя Валя вдруг запела прощальную песню Френка Синатры:

— And now, the end is hear,
And so I face the final curtain...

И вот, я ухожу,
Я свой финал уже увидел.
Друг, тебе скажу
Все о себе, что я предвидел.

Да, я жизнь прожил
И я ходил
По всем путям, по всем дорогам.

Да, ей дорожил,
Как песнь сложил,
Путь совершил...

И это много...

Близнецы и бабушка не понимали, но тетя Валя пела так трогательно, что они все трое всхлипнули.

— Все? — сказал дядя Гриша. — Можно закапывать?

— Подождите, — сказал я.

Шагнул к нему и положил в могилу эту рукопись.